

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Максимальный оргазмотрон

Маркс Болотов был очень специфический персонаж. Его интересы вертелись главным образом вокруг семейства земноводных, а если конкретнее, то вокруг жаб и лягушек. Твари мерзкие по своей природе и противные человеку. Но Макс этого своего главного увлечения не скрывал, а лишь бравировал своим фетишем.

— Он меня выбешивает своим рыбьим взглядом и этой нездоровой любовью к жабам! — говорил про него вокалист группы Swamp Porn Даниил, в которой они играли вместе еще со школы. — Не удивлюсь, если в один прекрасный день выяснится, что Болотный принимает по утрам лягушачий помет в жидком виде, чтобы зарядиться бодростью и на нужный, блядь, лад настроиться. Понимаете, ему только это интересно, он эгоист и насрать ему на род людской!

И пусть Марксу было наплевать на человечество (в особенности на женщин и детей), но с людьми особой породы дружбу он все же водил. При наличии на физии и теле всевозможных бородавок, чириев, гнойничков и прочих наростов, можно было смело обращаться к нему с предложением дружбы. Будучи каким-никаким музыкантом, Маркс притягивал к себе всевозможных бунтарей, говнарей и прочих интересных личностей, но по-настоящему уродливого человека среди них найти было трудно. Это была особая статья, особый случай для Маркса Болотова. Если человек был безобразней его, то здесь уже можно было рассчитывать на нечто большее, нежели дружба.

Как-то погожим осенним вечером Маркс прогуливался со своей, необъятных размеров, подругой, с которой черт его дернул познакомиться после очередного провального концерта Swamp Porn. Звали ее Малафей. Вот она, как раз, и была тем самым особым случаем. Пытаясь обнять безразмерное туловище девушки, по-лягушачьи тонкие пальцы Маркса прямо-таки утопали в ее необъятных телесах, раздувшихся от фастфуда и прочих калорийных «полезностей». Ему она была отвратительна, но в то же самое время заставляла член стоять торчком. Умела она это. И пусть пенсионеры плакали, видя эти «брежневские» брови, а дети визжали, завидев эту заячью губу, тщетно скрывающуюся под жиденькими усами, но сам Маркс трепетал в постели и, что уж греха таить, кончал, как в последний раз. Заниматься ЭТИМ Маркс предпочитал без света, чтобы не видеть раскрасневшегося, одутловатого лица своей подруги. Но тем не менее все же приходилось подстраховываться: Болотов сильно зажмурился, чтобы не обтрухать простыни от созерцания вынырывающих из темноты грудей и старался увернуться от этих глыб, как мог, но сиська неминуемо разила его в ухо.

Однажды они катались по городу в маршрутке. Они это называли «любовным турне». Но в этот раз что-то пошло не так. И то ли Маркс подавился слюной подруги во время их жаркого поцелуя, то ли она пропихнула свой язык слишком глубоко и он пошел не в то горло. Очевидно одно, Маркса вывернуло прямо на водителя таджика. Было очень неудобно перед беднягой-гастарбайтером, но не убирать же всю эту блевоту влюбленным!

От этих мерзких воспоминаний лоб Болотова покрылся испариной, а внутри мошонки все сжалось. Порой он сам не мог понять, что же так сильно привлекло его в этой женщине. — Да, она выглядела сногшибательно, но неужели все дело в балахоне «DarkThrone»? — размышлял вслух Маркс. Эта группа была почитаема Болотовым с самых ранних лет, но носить одежду с символикой этой «сатанины» его набожная мать-алкоголичка категорически запрещала. Однажды она жестоко избивала сына за самодельную нашивку на заднем кармане

его подштанников. С тех пор неудовлетворенное желание, носить логотип своих любимцев, трансформировалось в сознании Маркса в нечто чудовищное. Мало того, что Малафия напоминала по комплекции его мать, так еще и во время сексуальной близости Маркс не позволял ей снимать обожаемый предмет одежды. Таким образом Маркс мстил, втихую фантазируя, как протыкает своим членом, словно ножом, материнское лоно. Маркс знал, что об этом никто не должен знать, а потому молчал. Молчал даже в моменты высшего наслаждения, когда семя выстреливало на третий подбородок Малафии.

Однажды Маркс получил столь мощный оргазм, что даже подумал о своей физической кончине. Как-то ночью он прокрался в опочивальню своей подруги и увел тот самый балахон. Маркс отправился в зал с твердой мыслью его примерить. Для начала он оголился. Абсолютно полностью. Лобок и яички он тщательным образом выбрил, но во время процедуры неоднократно порезался и пришлось намазать ранки зеленкой, отчего он стал похож на лягушонка. Напялив через голову подругин балахон он уселся на табурет и уставился на себя в зеркало. Он долго смотрел на логотип DarkThrone, но потом взгляд соскользнул чуть ниже. Было плохо видно и Маркс широко развел кресты. Даже документалки о скрещивании жаб и лягушек не вызывали у него столь сильного возбуждения. Член стал крепнуть и уже через минуту стоял торчком. На лице Маркса проскользнула чуть заметная ухмылка. Осталось только озалупить и... В этот момент в зал вошла Малафия и, увидев Маркса с широко расставленными лапами, хрюкнула от неожиданности. Удивление сменилось приступом ярости и в следующий момент она уже гоняла голожопого Маркса по всему залу ремнем с латунной бляхой. Если спину еще удавалось как-то спасти, то безволосые ляжки страшно страдали. Но хуже всего пришлось голове Маркса, злополучная бляха угодила прямо в висок и Болотов отключился так и не кончив.

С тех самых пор Маркс не решался порвать с толстухой, хотя подобные мыслишки все же вертелись в его кучерявой голове, но шрам на височной впадине периодически напоминал о себе дикими мигренями. Приходилось считаться с такой невероятной силищей. Даже сейчас, проходя мимо очередного засранного мусором переулка, который не так давно облюбовала стая местных бомжей, Болотов, раздумывал над тем, как же ему отвязаться от увесистой подружки и отправиться на очередную репу своей группы. Но, увы, подобным планам не суждено было сбыться. Когда Маркс вырвался из плена раздумий и обратил внимание на свою женщину, то с ужасом обнаружил, что взгляд ее устремлен в сторону того самого переулка и его паховой области. — Пошли-ка туда, — прохрипела толстуха и потянула Маркса за рукав его черного дутика. — Я тебе кое-что покажу. — Стой, женщина! — пропищал Болотов, пытаясь вырваться. — Я против такого развития событий! Подруга его уже не слышала. Ее опухшее лицо, еще сильнее покраснелось, глаза были сильно выпучены. Маркс хорошо знал эту гримасу. Она означала, что девушка хочет заняться безудержным сексом, или, как она сама это называла, «ЕБУН НАПАЛ». От одной лишь мысли о предстоящем акте любви к горлу подкатил комок.

Истекающая от желания жируха затащила Маркса в самый отдаленный, грязный закоулок и швырнула его, на какие-то задристанные, разодранные коробки, неподалеку от которых облезлый бомж справлял нужду. Лишь в последнюю секунду Маркс с ужасом обнаружил, что приземлится, не на коробки, а на кладку белых кирпичей, которые проглядывали сквозь тонкий слой картона. Шея Болотового истошно треснула при встрече со строительным

материалом и, мозг отключил питание на мгновение, погрузив сознание во тьму.

Ему грезились сотни, тысячи спаривающихся лягушек. Они пронзительно квакали на разный лад, прыгая друг на дружку.

— Это ли не рай? — пронеслась мысль. Он почувствовал, как в чреслах нарастает сладостное возбуждение, которое Болотов не мог, да и не хотел сдерживать. Когда же Маркс перевел свой взгляд с квакающих земноводных на свои руки, то с удивлением обнаружил, что куцки приобрели темно-зеленый оттенок, покрылись прелестными бородавками, а между пальцев появились перепонки. «Я стал Квакушкой! Моя мечта наконец-то сбылась!» — пропел Маркс. — «Теперь я имею полное право на участие в оргии!» Болотов был уже в сантиметре от мечты, прыгая по-лягушачьи, к секс-пруднику, как внезапно его всего скрутило от дикой боли в области паха. (Порно рассказы) Создалось такое ощущение, что всю нижнюю часть тела будто придавило наковальней, а яйца горели так сильно, словно на них насыпали гору раскаленного угля.

«Что происходит?» — агонизируя подумал Болотов. Но в следующее мгновение, все уже стало на свои места. Столь приятная взору Маркса групповушка в пруду сменилась облезлым бомжацким застенком. Но это было еще не самым страшным. Причина агонии заключалась в двухсоткилограммовой туше, восседавшей на его гениталиях. За то время, что Маркс был в отключке, жируха успела стянуть с него треники и задрать свою юбку. Болотов отчетливо видел крупные капли пота стекающие с бесчисленных складок ее живота прямехонько в промежность.

— Сучья свиноматка! — пришло меткое сравнение в голову Болотов. — Я тебе покажу Кузькину мать!

Каждый новый прыжок сопровождался оглушительным шлепком о хрупкие тазобедренные кости бедняги Болотова. Пусть он и сам не отставал, хлестко шлепая ее по сраке ладошками, но фрикции становились все более невыносимыми. Из-за дикой боли Маркс то терял сознание, то вновь возвращался из бессознания. Все вокруг расплывалось и ходило ходуном, как и его верный поршень в киске Малафии. Марксим, уже было смирился со своей жестокой участью быть секс-жертвой и засобирался кончить в недра мучительницы, но судьба-злодейка вновь подготовила сюрприз. Болотов заметил, как его подруга, после очередного возвратно-поступательного телодвижения зашлась в спазме, а это значило только одно, она решила обойти своего горе-любовничка и эгоистично кончить раньше партнера. По ее жировым отложениям прошла мелкая дрожь, волосы на лобке зашевелились, а из ротового отверстия повалил пар.

— О, нет! Она начинает оргазмировать!!! — пронеслась шальная мысль в голове Маркса.

И в ту же секунду Жиробасина, сгруппировавшись и издав пронзительный вопль, взмыла в воздух. Маркс уже не слышал, как трещат кости его ног и таза. Но в памяти его навсегда застрянет тот свист разверзаемого воздуха, с которым эта печка летела в его объятия. Когда Болотный вновь очнулся, то увидел как женщина в спешке натягивает обратно свои панталоны.

— Помоги мне встать... — прохрипел Маркс. — Я ног не чувствую.

И только тут он заметил, приподнявшись на локтях, что стало с его конечности, они словно прошли через пресс.

— Ты жирная тварь! Ты мне ноги сломала!! — заорал Маркс. — Раздробила к ебням! — Мне некогда, — отмахнулась толстуха. — Мне только что звонила мама и сказала, что приготовила

мою любимую куру с говяжьими котлетками. Пойду домой набивать требух и запивать тепленьким топленным молочком. С этими словами она бросилась опроретью бежать из переулка. Маркс, с глазами полными слез, хотел уже было изрыгнуть все проклятия, что знал, но бабищи той и след простыл. () Видимо, утолив голод сексуальный, ей приходится двигаться со сверхзвуковыми скоростями, чтобы утолить голод насущный.

— И что же мне прикажете делать?! — простонал Болотов. — Как я доберусь до репетиционной точки? — Я помогу тебе, — раздался хриплый голос.

— Бог?! — Болотный не мог поверить своим захезанным ушам. — Это ты?

Но в следующий момент он услышал шуршание позади и вывернул шею, чтобы посмотреть. Маркс увидел того самого бомжа, минуту назад беззаботно испражнявшегося на картонку. Да, это был не бог и даже не сын божий, а так, какой-то юродивый.

— Я затаился на время, — проговорил бомж, стягивая с себя дырявые треники. — Наблюдал за вами. Неплохо тебя эта жируха отделала. Ноги тебе поломала. Но ничего. Я тебе помогу. Продолжая приговаривать себе под нос, бомж, вытащил свои причиндалы. — А ну-ка, сынок, обработай мой шершавый. Глядя на залупленный член бомжа, покрытый язвами, Маркс Болотов вдруг понял одну простую жизненную истину: когда судьба вываливает на тебя кучу говна, она в тоже время обязательно протягивает руку помощи. Надо только уметь видеть.